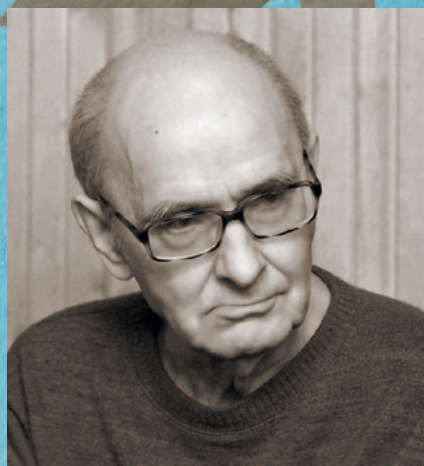

**Василий Казанцев
(1935–2021)**

Выше радости, выше печали

Дорога к этой публикации оказалась долгой, о чем я очень жалею.

Два с лишним года тому назад мы впервые заговорили о ней с добрым другом и деятельным советчиком наших «Строф» — поэтом Валерием Лобановым. Это он заново открыл для меня искусство Василия Казанцева, дал на перепрочтение его старые книги и достал номер телефона.

Но я, помню, тогда заробел, как если бы собирался звонить Бунину, Тютчеву или Фету. И решил отложить знакомство, сказав себе, что надо хорошо подготовиться.

Время пошло: я записал пылкую передачу о Казанцеве на радио «Вера», добыл и проштудировал его чудесный поздний сборник «Счастливый день» (2004) и совсем уже собрался проситься к поэту в гости, как накатил пандемийный год.

В феврале этого странного и страшного года Казанцеву исполнилось 85 лет, и Лобанов сочинил стихи, которые кончались так: «...В поэзии нет новобранцев. / Февральское солнце плывёт. / Василий Иванович Казанцев / ещё рядом с нами живёт».

А в феврале следующего — то бишь нынешнего — года поэт умер. Оказывается, он издавна тяжело хворал и мужественно переносил болезнь месяц за месяцем.

Его последние публикации в «Новом мире» были давно: в начале и в конце 1980-х. Знаю, что стихи Василия Ивановича ценили Александр Твардовский и Виктор Астафьев, Вадим Кожинов и Станислав Лесневский, Александр Межиров и Инна Лиснянская...

Пользуясь случаем, поклонимся Надежде Кондаковой, Михаилу Синельникову и всем, кто посылно опекал и поддерживал стихотворца до последнего времени; и тем, кто написал в память о нём — Алексею Полуботе, Михаилу Андрееву, Ольге Блюминой...

Между некоторыми стихотворениями в нашей подборке пролегает полвека одухотворённых трудов этого целомудренного поэта-мыслителя — по одинокому и счастливому делу *высветления* мира.

Название его последнего сборника — «Восторг бытия»...

Дорогой Василий Иванович, спасибо, что Вы жили рядом с нами и писали эти стихи. **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»

Рисунок **Романа Макагонова**

Баллада о детстве

Поляны светятся, дымясь.
Река со стоном пронеслась.
Растаял снег, просохла грязь.
Пора садить картошку.

Шумит трава. Палит жара.
Над ухом — пенье комара.
Бескрайний день. Пришла пора
Окучивать картошку.

Туманная встаёт заря.
Последнее тепло дая,
Настало ведро сентября —
Пора копать картошку.

Метель. Мороз за дверью зол.
Декабрь рассерженный пришёл.
Зима пришла. Садись за стол.
Мы будем есть картошку.

Принимаю как должное
От стремительных лет
Невнимание долгое,
Запоздалый привет.

И внимание долгое,
Долговечный привет
Принимаю — как должное.
Страху времени — нет.

— Не обошла тебя работа,
Не обошла тебя нужда,
Не обошла тебя забота,
Не обошла тебя вражда.
И день погожий. И ненастье.
И светом веющая весть...
И обошло лишь только счастье?
— Так это ж счастье всё и есть.

Он встал считай что из могилы.
Из-за безвыходной черты.
И говорят ему:
— Мой милый,
Какой-то слишком светлый ты.

Тебе бы хмуриться, томиться —
Искать, утешиться бы чем.
И убиваться бы и тмиться...
— А поднимался я — зачем?

В этой радости мне отказали.
Но к печали не клонит отказ.
Ну и что! Мне уже обещали
Ту, что радостней в тысячу раз.

Всё длинней, всё изученней будни.
И сквозь будни, где всё прочтено,
Всё настойчивей, всё неотступней
Голос: больше не дам ничего.

Ну и пусть. К благодарной, горячей
Я уже прикоснулся руке.
Я уже побезмолвствовал в чаще.
Я уже искупался в реке.

Нет, не скрывайся, не таи
И чувства, и мечты свои.
...Нет, не погаснет, не затмится
Среди теней лесных, густых —
Высоким светом озарится,
Там, в небе, блеском загорится,
Там, в небе, громом подтвердится,
Там, в небе, в высях, сила их.

Это никогда не надоест —
Листьев неумолчное плесканье,
Мреющих, бессмертных звёзд блистанье
Иль, как раньше говорили, звезд.

Это не наскучит никогда —
Плавная неправильность сугроба,
Ровная законченность плода.
По земле идущая дорога.
По песку бегущая вода.

Не буйству верь, а кротости
Чтоб не дойти до пропасти.
В ней, в строгой, стойкой кротости,
Есть непреклонность крепости.

Нет, нет, не ответ робости,
Нет, нет, не признак слабости —
Блеск одоления, радости
В ней, в строгой, в стойкой кротости.

Высоченны лесные палаты.
Гул и солнце в древесном строю.
— Что ж ты, милая пташечка, плачешь?
— Я не плачу — я песню пою.

А лесинка шумливая рядом
Всё лопочет про радость свою.
— И чему же ты, глупая, рада?
— Я не рада. Я песню пою.

Синий дым, белый день. И звучанье.
Хвойно-лиственный шорох и плеск.
Выше радости, выше печали
Этот дым. Этот день. Этот лес.

Эти песни — не плач и не гимны
Это выше, чем плач или гимн.
Мне навеки остаться таким бы.
...Если можно остаться таким.

